

Нейробиология и свобода воли в уголовном праве

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения свободы воли и виновности лица через призму последних исследований в нейробиологии. Определены ключевые аспекты понимания вины в уголовном праве и ее соотношения со свободой воли. Раскрываются детерминистские и индетерминистские подходы к определению сущности свободы воли в доктрине зарубежного уголовного права. Цель исследования — определить суть и значение свободы воли в понимании института вины и соотнести свободу воли с основанием уголовной ответственности. При проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, сравнительно-правовой, аналитический, системный, логический. По результатам исследования предложено сохранить существующую концепцию свободы воли и индетерминизма в качестве основания уголовной ответственности. Предложено разграничивать понятия «свобода воли» и «свобода действия». Автор полагает, что отрицание свободы воли нивелирует само уголовное право и принцип личной виновной ответственности. Уголовная ответственность не может существовать без вины и должна включать в себя только принципы предотвращения и соразмерности, где центр тяжести смещен в сторону предупредительных мер. В такой плоскости при констатации преступления учитываются не только действия, совершенные лицом, но и действия, ожидаемые от него. Предложенная парадигма коренным образом меняет само уголовное право, в основе которого будет лежать принцип не субъективного, а объективного вменения.

Ключевые слова: уголовное право; ответственность; свобода воли; вина; преступление; наказание; виновность; нейробиология; мотив; кризис уголовного права.

Для цитирования: Хилюта В. В. Нейробиология и свобода воли в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 5. — С. 134–148. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.134-148.

Neurobiology and Free Will in Criminal Law

Vadim V. Khilyuta, Cand. Sci (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Yanka Kupala State University of Grodno
ul. Ozheshko, d.22, Grodno, Republic of Belarus, 230020
tajna@tut.by

Abstract. The paper deals with the problem of the relationship between free will and guilt of a person through the prism of recent research in neuroscience. The key aspects of understanding guilt in criminal law and its relationship with free will are identified. Deterministic and indeterministic approaches to the definition of the essence of free will in the doctrine of foreign criminal law are revealed. The purpose of the study is to determine the essence and meaning of free will in understanding the institution of guilt and to correlate free will with the basis of criminal liability. The author applied traditional methods of socio-legal and formal dogmatic analysis: documentary, comparative legal, analytical, systemic, and logical. Based on the results of the study, it is proposed

© Хилюта В. В., 2022

* *Хилюта Вадим Владимирович*, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
ул. Ожешко, д. 22, г. Гродно, Республика Беларусь, 230020
tajna@tut.by

to preserve the existing concept of free will and indeterminism as the basis for criminal liability. It is proposed to distinguish between the concepts of «free will» and «freedom of action». The author believes that the denial of free will eliminates the criminal law itself and the principle of fault-based individual responsibility principle. Criminal liability cannot exist without fault and should include only the principles of prevention and proportionality, where the center of gravity is shifted towards preventive measures. In such a plane, when ascertaining a crime, not only the actions committed by the person, but also the actions expected from him are taken into account. The proposed paradigm fundamentally changes the criminal law itself, which will be based on the principle of objective rather than subjective imputation.

Keywords: criminal law; responsibility; free will; guilt; crime; punishment; fault; neurobiology; motive; crisis of criminal law.

Cite as: Khilyuta VV. Neyrobiologiya i svoboda voli v ugovnom prave [Neurobiology and Free Will in Criminal Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(5):134-148. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.134-148. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Вопрос о понимании вины в уголовном праве имеет давнее и принципиальное значение, потому что вина сегодня является неотъемлемым признаком преступления. Однако каким образом вина введена в число признаков преступления и что она отражает (субъективную составляющую, основание уголовной ответственности, признак состава преступления и т.д.) — не совсем понятно. Эта неопределенность прямым образом сказывается на институциональном закреплении вины и виновности в уголовном законе и непосредственном отражении теоретических концепций в правоприменении.

Более того, доктрина уголовного права не во всех случаях может предложить четкую линию, в соответствии с которой на системном уровне вырисовывалась бы концептуальная идея о том, что же лежит в основании вины: психологический аспект, социальная упречность, состояние личности или что-то иное.

Гносеологическое понимание того, что такое вина и как она зарождалась в праве, указывает на то, что изначально вина ассоциировалась с нарушением установленных предписаний и, главным образом, религиозных норм. Действия людей оценивались по объективным признакам, и вина соотносилась именно с личностью человека и его поступком, который сегодня мы

бы обозначили как совершение деяния в рамках объективной стороны состава преступления. Постепенно, с развитием христианства, вина стала соотноситься с элементами свободы воли человека при осуществлении поступка, с разделением добра и зла.

Уже в римском праве вина разделялась на два вида: *dolus malus* (злой умысел) и *culpa* (неосторожность). Однако *dolus* обозначал и обман, хитрость, коварство, мошенничество, т.е. речь шла больше о поведении лица, нежели о его психическом отношении к своему деянию. *Culpa*, рассматриваемая как неосторожность или небрежность в нашем сегодняшнем понимании, делилась на два вида: *culpa lata* (грубая неосторожность) и *culpa levis* (легкая небрежность). Ответственность лица зависела главным образом от того, была ли нарушена норма общего характера, налагающая на каждого обязанность вести себя в обществе осторожно и предусмотрительно¹, т.е. обязанность увязывалась с возможностью предвидеть вредоносные последствия своих действий. Можно сказать, что в римском праве вина по своему содержанию больше напоминала психологическую теорию, потому как в основе вины лежала «сознательная упречность воли лица».

В Средневековье, в рамках канонического права, вина соотносилась с греховностью, потому как само понятие преступления было

¹ См.: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2007. С. 138 ; Юрчак Е. В. Теория вины в праве. М., 2021. С. 6.

идентично пониманию греха. В период великих буржуазных революций вина всё больше тяготеет к характеристике мотивов человеческого поведения, необходимости установления субъективной составляющей как первоочередной в вопросе уголовной ответственности. Это породило различные концепции понимания вины в уголовном праве и существование различных подходов к тому принципиальному вопросу, что есть вина по своей сути (психологическая теория вины, теория опасного состояния личности, оценочная (нормативная, судейского усмотрения) теория вины и др.).

С точки зрения оценочной (нормативной) концепции вины человек признается виновным, если его поведение вызывает личный упрек преступнику. Психологическая же концепция вины, наоборот, базируется на том, что вина — это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. Однако в любом случае в основе понимания вины (виновности) лежит идея **свободы воли** человека. Впрочем, свобода воли человека является краеугольным камнем не только понимания вины, но и уголовной ответственности в целом, институтов преступления и наказания. Волевой аспект преступления лежит в основе решения вопросов об уголовной ответственности и применения в дальнейшем наказания.

Свобода воли в праве

Долгое время в уголовно-правовой науке свобода воли ассоциировалась с моральной ответственностью человека, его нравственным выбором совершения определенного действия. Поэтому уголовная ответственность связывалась с тем, что человек мог свободно определять линию своего поведения и сам решал, какое действие ему совершать, преступать закон или нет,

т.е. делал выбор между добром и злом. Если исходить из обратного и отрицать свободу воли, то окажется, что человек не действует свободно, все его поступки предопределены условиями, в которых он находится.

Следует сказать, что в науке советского уголовного права понимание свободы воли базировалось на идее материалистического детерминизма (правда, с некими отступлениями от классического понимания того, что есть детерминизм), означающей, что человек зависим от внешних и внутренних факторов, причин и условий. Детерминизм опирался на материалистическое понимание мира, окружающей среды². Однако всё же свобода воли в практическом плане больше основывалась на недетерминированном образе человека, т.е. именно на том, что лицо подлежало наказанию тогда, когда оно действовало виновно, но могло действовать законно.

Как указывал Б. С. Волков, воля всегда опирается на сознание. Она исходит из определенных мотивов и обусловлена определенной целью. Вместе с тем, как полагал Б. С. Волков, воля не сводится только к психическому процессу — она объективирована вовне. Свое объективное выражение она находит только в целенаправленных действиях (бездействии) и ни в чем другом выражена быть не может. Поступок человека является единственной формой, в которой воля может найти свое объективное выражение. Если воля лица не получила своего объективированного выражения вовне, она не может быть предметом ни правовой, ни моральной оценки³.

Тем не менее в данном вопросе мы исходим из того, что преступление, как любой человеческий поступок, является актом внешнего поведения, объективированного вовне. И одно лишь противоправное намерение, желание не есть еще воля. При такой постановке вопроса воля непременно отождествляется с психологическими процессами переживания и индивиду-

² См.: *Филановский И. Г.* Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 3–7. Проблема сознания деятельности, как отмечалось Б. С. Волковым, включает в себя вопросы зависимости психического от материальных условий, обдумывания, взвешивания, предвидения и учет последствий своих действий (*Волков Б. С.* Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965. С. 24–25).

³ См.: *Волков Б. С.* Указ. соч. С. 11.

альными особенностями человека. В данном случае воля принципиально не отличается от умысла, потому как если воля опирается на сознание, то сознание в психологической концепции вины является одним из элементов умысла. Следовательно, свобода воли всегда включает в себя актора, человека, деятеля (1), который обладает альтернативными вариантами поведения в определенной ситуации (2) и который осуществляет контроль над своим поведением (3). Здесь воля находит свое объективное выражение в деянии. Однако весь парадокс и состоит в том, что при таком понимании деяние уже не имеет принципиального значения при определении противоправности и основания уголовной ответственности.

В психологической концепции вины свобода воли фактически подменяется желанием лица (волевой компонент вины), в то время когда сознание также непременно входит в данное понятие (свободы воли). В итоге сознание и воля отождествляются. Но в таком случае при неосторожных преступлениях (в большей степени при преступной небрежности) мы вообще не говорим о сознании и желании лица. Означает ли это, что свобода воли отсутствует при совершении подобных преступлений?⁴ Между тем воля и сознание, мышление и действие хотя и образуют некое единство, но отнюдь не равнозначны и не тождественны.

Впрочем, идея отождествления воли и сознания превалирует в сегодняшней уголовно-правовой доктрине. Хотя свобода воли рассматривается как возможность выбора человеком определенного варианта поведения, т.е. сам

человек определяет, как ему поступать, и он абсолютно свободен в данном вопросе. Например, по утверждению С. В. Шевелевой, «свобода воли как свобода выбора варианта поведения включает два компонента: субъективный (“хочу”, “не хочу”) и объективный (“могу”, “есть объективная возможность”)⁵».

В отечественном уголовном праве по этому поводу существуют и суждения, согласно которым «воля человека не свободна, а детерминирована импульсами объективно-субъективного происхождения»⁶. Это означает, что феномен человеческого поведения настолько сложен, что лежащие в его основе волевые решения одновременно и свободны, и не свободны. По этой причине нравственную ценность поступка и его общественную значимость предлагается измерять не импульсами, которые детерминируют поведение, а его целями и конкретным выражением цели в противоправном поведении человека⁷.

Таким образом, сегодня уголовное право покоится на опровержимой презумпции свободы воли, согласно которой действия человека предполагаются свободными до тех пор, пока не доказано обратное. Социально-правовое основание изложенной презумпции состоит в том, что лишь минимальное количество всех человеческих поступков, релевантных для уголовного права, совершаются под воздействием принуждения или иных исключительных обстоятельств, устранивающих свободу воли⁸.

Понятно, что когда мы говорим о свободе воли и пытаемся вывести из этого понятия условия или основание уголовной ответствен-

⁴ Сколько бы мы ни пытались заполнить психической пустоту преступной небрежности и определить ее волевое содержание применительно к общественно опасным последствиям, нам это так и не удастся сделать, ибо воля вне цели не существует. Следовательно, можно прийти к выводу, что «неосторожное общественно опасное деяние, как и любое преступление, является частным случаем волевой деятельности» (Волков Б. С. Указ. соч. С. 45).

⁵ См.: Шевелева С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 9.

⁶ Иванов Н. Г. Курс уголовного права. Общая часть. М., 2020. С. 312.

⁷ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 308–312.

⁸ См.: Рябых И. А. Проблема свободы воли в уголовном праве // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты : материалы науч.-практ. конференции. Новосибирск, 2017. С. 157 ; Волосюк Е. А., Иванов С. А. Категория «свобода воли» и ее роль в уголовном праве // Актуальные проблемы

ности, то мы становимся заложниками тех философских концепций, которые сегодня существуют применительно к рассматриваемой проблеме. Поэтому было бы большой ошибкой указывать на то, что «философские представления о содержании категорий “свобода” и “необходимость” не могут быть экстраполированы на почву уголовного права». Потому что «в уголовно-правовых категориях, инструментах формирования уголовно-правовых норм, как и в уголовно-правовом регулировании в целом, диалектическое единство и борьба противоположностей свободы и необходимости не имеют функционального назначения»⁹.

Тем не менее если следовать данному утверждению, то возникает вполне резонный вопрос: а что тогда лежит в основании «свободы воли» в уголовном праве? Из каких принципиальных для уголовного права теоретических исследований мы выводим понимание свободы воли и указываем на то, что представляет собой преступление, за что можно привлекать человека к ответственности, а когда нельзя? В уголовном праве нет своей гносеологии, и с этим нужно смириться. Уголовное право зиждется на тех концептуальных идеях и постулатах, которые разрабатывались ранее философией и другими гуманитарными науками. Другое дело, какую базовую концептуальную идею уголовное право принимает за основу и, используя в дальнейшем свой инструментарий, приспособливает ее для своих нужд. Иначе получается, что в уголовном праве существует свое, отличное от всех

других понимание «свободы воли». Именно с использованием философских категорий можно понять и объяснить суть свободы воли в уголовном праве и дать обоснование тому, когда может наступать уголовная ответственность. Это важно делать не столько в теоретическом, сколько в практическом аспекте.

Новый ракурс понимания свободы воли

Надо заметить, что свобода воли является краеугольным камнем западноевропейского уголовного права. Не стихают дебаты о понимании свободы воли в философии уголовного права. Впрочем, не только в области уголовного права. Дело даже не в том, какой подход принимать за основу: детерминизм или индетерминизм, компатибилизм или инкомпатибилизм. Отрицание свободы воли или же констатация иллюзии данного явления порождает новые стандарты в понимании того, что есть преступление, за что человека можно привлекать к уголовной ответственности и можно ли вообще. Здесь основной упрек праву (уголовному в том числе) сводится к тому, что оно очень консервативно, не хочет принимать во внимание новые открытия в нейробиологии и никак не может отказаться от постулата свободы воли¹⁰. И поэтому всё чаще стали говорить о том, что свобода воли несовместима с научными соображениями и понятием вины.

Напомним, что в современной доктрине уголовного права центральным элементом

современной науки : материалы науч.-практ. конференции. Ставрополь, 2016. С. 168–170 ; Станек Ю. Право и нейронаука — точки пересечения // Правоведение. 2017. № 4. С. 23–27.

⁹ Шевелева С. В. Указ. соч. С. 8–9.

Интересно, что А. Г. Кибальник, являвшийся официальным оппонентом на защите докторской диссертации С. В. Шевелевой, обратил внимание на данное положение, указав, что такое суждение является «неожиданным и необычным для отечественной доктрины», однако далее он не пошел и не стал ввязываться в научный дискурс (см.: Кибальник А. Г. Современное понимание свободы воли в российской уголовно-правовой доктрине // Общество и право. 2017. № 1. С. 32). Хотя, наверное, следовало бы, т.к. это является краеугольным камнем сегодняшней методологии уголовного права. Ибо если уголовное право претендует на то, чтобы, исходя из своего предмета и метода, обосновывать социальные процессы и давать им оценку в отрыве от иных наук, то следует предложить механизм такого действия и саму теоретическую базу. Но пока так никто и не осуществил этот революционный шаг.

¹⁰ У некоторых исследователей даже создается впечатление, что «наука уголовного права застрахована от критики свободы воли». То есть непротиворечивость предпосылки свободы воли вообще не обсужда-

преступления является *деяние*, которое является относительно свободным и которое принимает сам субъект. Школа классического уголовного права исходит из того, что вина и ответственность предполагают свободу воли. Без свободы воли нет ответственности. Волевая способность, в отсутствие которой субъект не несет ответственности, означает, что лицо обладает способностью действовать в соответствии со своими собственными мотивами и может контролировать свое поведение. В этой связи наказание как форма реализации уголовной ответственности предполагает наличие вины у преступника, и оно оправданно, только когда субъект действовал виновно, иначе говоря, его свобода воли может быть подтверждена в недетерминированном смысле. Это говорит о том, что решения не должны быть такими, какими они были обусловлены мотивами поведения, или определенными причинами. Люди сами определяют свои действия, чем бы они ни были обусловлены, и именно из этих индетерминистических позиций исходит уголовное право, определяя наличие свободной воли.

Однако последние открытия в области *функционирования мозга* указывают на то, что человек не свободен в своем самоопределении,

он действует несвободно, поскольку подчинен своему бессознательному. В этом отношении свобода воли относительна и не формирует наши действия. Обычно здесь ссылаются на эксперимент Б. Либета, который зафиксировал, что действие не начинается с воли, потенциал готовности действовать определенным образом не связан со свободой выбора человека¹¹. Буквально это означает то, что от свободы воли практически ничего не остается, что человеческие действия столь же детерминированы, как и все причинные процессы в природе¹². Фактически во всей этой парадигме свободе воли уготована (в лучшем случае) роль контролирующей функции, когда свобода воли осуществляет контроль над потенциалом готовности, т.е. волевое решение следует за потенциалом готовности и либо одобряет, либо останавливает действие.

Помимо этого, несоблюдение последствий уголовного закона на основе свободного волеизъявления ставит ряд иных вопросов, где важность предпосылки свободы воли ставится под сомнение:

а) при наличии свободы воли превентивные цели наказания не срабатывают, т.к. в такой системе предотвращение преступности излишне и бессмысленно. Так, цель пред-

ется в уголовном праве. См.: *Kudlich H.* Die Kritik der hirnforschung an der Willensfreiheit als Chance für eine Neudiskussion im Strafrecht // Onlinezeitschrift für Höchstrichterliche Rechtsprechung zum Strafrecht. 2005. Vol. 2. S. 43.

¹¹ Данный американский ученый обнаружил, что по крайней мере в случае простых движений сознательному решению воли всегда предшествует бессознательная нейронная активность, так называемый потенциал готовности, т.е. этот потенциал готовности никогда не совпадает с сознательным решением человека. Для этого наблюдения позже даже придумали фразу: «Мы не делаем то, что хотим; мы хотим того, что делаем». В последующем данные результаты Либета были подтверждены другими учеными. Это означало, что в основе отдельных феноменов, наблюдаемых в процессе функционирования головного мозга, эмпирически трудно поддерживать идею «свободной воли» человека. Эти научные результаты исследователей также согласуются как с психологическими данными о действиях (например, экспериментами с сигналами или электрическими стимулами мозга), так и с нейробиологическими данными о контроле произвольных действий. В конечном счете результаты исследований сводятся к тому, что окончательное решение принимается за 1–2 секунды до того, как это решение будет осознано и у человека появится желание выполнить действие. Поэтому, с одной стороны, люди могут приписывать себе действия, которых они не совершали, а с другой стороны, они могут отрицать действия, в отношении которых может быть доказано, что они являются их исполнителями. См.: *Libet B.* Mind time: The temporal factor in consciousness, Perspectives in Cognitive Neuroscience. Harvard, 2004.

¹² См.: *Feinberg J.* The moral limits of the criminal law. Oxford, 1984.

упреждения преступлений лишняя потому, что любой виновный может действовать в рамках существующего законодательства и попытки психологически повлиять на него (а точнее, на его волю) с помощью воспитательных и сдерживающих мер бессмысленны. Такое психологическое влияние исключается, если человек не может определиться и принять собственное решение. Свободы воли здесь нет¹³;

- б) констатация свободы воли идет вразрез с криминологическими исследованиями причин преступности. Связывается это с тем, что при такой парадигме поиск причин преступности также бессмыслен, потому что нет причин преступления при условии свободы воли. В этой связи все криминальные этиологические исследования видятся излишними, ибо они проводятся только с целью предотвращения уголовных преступлений путем устранения уже выявленных причин, а если есть свобода воли человека, то она не связана с причинностью принимаемых субъектом решений (в рамках индетерминистических концепций);
- в) свобода воли никак не учитывается при избрании меры наказания, т.к. свободу воли нельзя измерить по некой шкале (она не увеличивается или не уменьшается, а просто констатируется). Это приводит к исключению возможности оправдания человека по линии определенного мотива в его поведении, т.к. если есть детерминированный мотив, то он исключает недетерминированный подход к свободе воли. Иначе говоря, если мы признаём наличие свободы воли, то почему в ряде ситуаций выдвигаем основания для освобождения лица от уголовной ответственности по основаниям его некоего мотивационного поведения?

Свобода воли как иллюзия

Как известно, уголовное право формирует реакцию государства на преступное поведение. Такое поведение определяется на основе некоего стандарта, который указывает на то, что должен и может делать человек, а что является нарушением (противоправным деянием), поскольку отклоняется от этих стандартов — нормативных правил поведения. Презумпция законодателя в этом случае (ответственность — это норма, безответственность — исключение) подразумевает определенное представление о том, что такое нормальность (дозволенное поведение).

Как указывается на сей счет в западноевропейской литературе, одним из элементов ответственности является волевая способность (способность определять себя в соответствии с этой оценкой), то есть способность действовать согласно своим собственным мотивам и осуществлять контроль над своим поведением. Для того чтобы быть признанным виновным, лицо, совершившее какое-либо действие, должно иметь возможность действовать в соответствии с тем, к чему его побуждает знание нормативного правила. Таким образом, он будет признан безответственным, если, зная, как действовать вопреки закону, ничего не мог с собой поделать¹⁴.

Следовательно, обладание волевой способностью подразумевает для ответственного человека способность определять свой поступок. У него есть воля, которую он может свободно осуществлять: столкнувшись с ситуацией, которую он оценивает как незаконную, он может воздержаться от действий и, таким образом, контролировать свое поведение. Именно эта свобода воли отличает нормальное от ненормального, ответственное от безответственного.

Согласно моральной концепции вины человек несет ответственность, потому что совершил ошибки, используя свою свободную волю. Та-

¹³ *Spilgies G.* Die Bedeutung des Determinismus-Indeterminismus-Streits für das Strafrecht. Über die Nichtbeachtung der Implikationen eines auf Willensfreiheit gegründeten Schuldstrafrechts. Hamburg : Verlag Dr. Kovac, 2004, S. 200.

¹⁴ *Didisheim J.* Déterminisme et Responsabilité Pénale: Inconciliables? // URL: <https://sui-generis.ch/article/view/sg.29/618> (дата обращения: 12.08.2021).

ким образом, ответственность зависит от определенной свободы воли. Однако ответственность имеет большое значение, выходящее за рамки ее понимания исключительно как условия вины. Само понятие ответственности имеет свое собственное и автономное значение перед лицом преступления, которое выходит за пределы простой способности человека быть виновным. Отсутствие свободы воли не означает, что судьба человека не может быть изменена. Напротив, детерминизм исходит из того, что его (человека) действия определяются множеством факторов и многие из них являются не врожденными, а результатом среды, в которой развивается субъект. С этой точки зрения свобода воли указывает на то, что поступки человека не определены только физической причинностью. И в данном контексте свобода воли — это иллюзия, т.к. поведение человека зависит от множества внешних и внутренних факторов.

Краеугольным камнем для детерминизма здесь являются последние нейробиологические исследования мозговых механизмов принятия решений. И как мы знаем, эти исследования показали, что на наши решения влияет множество причин и условий. Отсюда и выводится посылка о том, что идея свободы воли есть иллюзия. Утверждается, что наш выбор отнюдь не свободен и мы иногда не можем поступить совершенно иначе в различных ситуациях. Выбор не может быть полностью определен, на него влияют многие факторы, которые выходят за рамки характеристик, традиционно приписываемых свободе воли: структура мозга или внешние симуляции могут быть источником движений, решений, па-

тологий. Малейшее повреждение мозга, малейшее изменение в функционировании нейронов может повлиять на содержание решения.

По большому счету, это положение свидетельствует о том, что важная часть процесса принятия решений происходит *бессознательно*. Как подчеркивает Д. Дидисхайм, конечно, невозможно установить, что мы детерминированы в истинном смысле этого слова, но достижения последних лет показали, что мы ограничены в нашем выборе¹⁵. Человек является продуктом своих генов, своего мозга и окружающей среды. Его действия контролируются недоступными сознанию участками мозга. И поэтому не подлежат его контролю¹⁶. Хотя сегодня люди полагают, что они свободны в своих решениях, на самом деле, как считают нейробиологи, «они исполнители своих мозгов».

В этой связи Д. Дидисхайм задается вопросом: обладает ли человек особой способностью, волей, которую можно проявлять свободно, то есть без каких-либо ограничений? И резюмирует: если под свободой понимается «полное сознание», то ответ, похоже, будет отрицательным¹⁷. Логика детерминизма в данном случае сводится к тому, что выбор человека зависит от множества факторов, таких как генетика, структура мозга, жизненный опыт, контекст и т.д.¹⁸ И если рассматривать нейробиологический детерминизм в его классическом понимании, то мы не сможем подтвердить существование свободы воли простым аргументом, что жизнь в обществе была бы невозможна без нее.

Напрашивается недвусмысленный вывод: свобода воли и вытекающая из этого концеп-

¹⁵ *Didisheim J.* Op. cit.

¹⁶ *Breuer I.* Ist Verantwortung eine Illusion? // URL: https://www.deutschlandfunk.de/ist-verantwortung-eine-illusion.1148.de.html?dram:article_id=180844 (дата обращения: 12.08.2021).

¹⁷ *Didisheim J.* Op. cit.

¹⁸ Детерминизм человеческого поведения, который ранее утверждался религиозными, психоаналитическими или бихевиористскими сторонами, в последнее время представлен в основном нейробиологическими исследованиями. За этим стоит идея мира как физически причинно замкнутой системы с фиксированными отношениями между причинами и следствиями. Эксперименты с методами визуализации показывают, что процессы, которые скрыты от сознания, приводят к решениям и что мы только потом придумываем причины наших действий (см.: *Ulrich V.* Psychiatrische Gutachten // URL: <https://www.aerztezeitung.at/archiv/oeaez-2012/oeaez-1516-15082012/psychiatrische-gutachten-zurechnungsfaehigkeit-freier-wille.html> (дата обращения: 12.08.2021)).

ция вины — это «необходимая для государства и узаконенная им фикция», которая в первую очередь служит для поддержания правового порядка¹⁹. Традиционная концепция уголовной ответственности, в основе которой лежит виновное поведение человека, делает всю систему уголовного права несовместимой с детерминизмом. Вина не может оправдать ответственность, а превентивные функции уголовного наказания не зависят от свободы воли²⁰.

Свобода личного «я» по отношению к мозгу не должна определяться законом. И если сегодня никто не может с философской и правовой точки зрения доказать обратное, то это указывает на то, что используемые концепции уголовной ответственности и свободы воли не являются правильными²¹. Свобода воли в юридическом смысле — это понятие, которое используется противоречивым образом и в его нынешней формулировке не является достаточным основанием для установления вины и наказания. В этом смысле апологеты детерминизма очень четко обозначают свою позицию, которая свидетельствует о том, что «ошибочно основывать концепцию вины на свободе воли, принимая волевую способность как условие ответственности»²².

Грани свободы воли и уголовная ответственность

К чему всё это может привести? К тому, что если переложить последние результаты нейробиологии на почву юриспруденции, то они должны вызвать глубокие изменения в человеческой самооценке и устранить основу принципа личной виновной ответственности как одного из центральных в уголовном праве²³. Можно даже подумать, что если бы уголовно-правовые и криминологические теории были сформулированы как детерминированные причинные законы, то согласно им исключалась бы индивидуальная вменяемость субъекта.

Тем не менее проблема свободы воли является проблемой только тогда, когда закон требует этой свободы²⁴. Сегодня прямым образом свобода воли увязана с виновностью, где преступная вина — это обвинение лица в совершении преступления (проступка). Это обвинение связывает преступника и его деяние, что предполагает согласование его воли с пониманием того, что совершается, и управление лицом своими действиями. Таким образом, происходит нарушение законного волеизъявления, когда исполнитель должен иметь возможность формировать свою волю и соотносить ее с совер-

¹⁹ См.: *Schild W.* § 20 StGB // URL: http://www.jura.uni-bielefeld.de/lehrestuehle/schild/nomos___20 (дата обращения: 12.08.2021).

²⁰ Наиболее радикально настроенные нейробиологи утверждают, что нейробиология сегодня свидетельствует о том, что никто на самом деле не несет ответственности, потому что мы не агенты — а жертвы нейронных обстоятельств, которые механически производят наши эпифеноменальные мысли и движения нашего тела.

²¹ В этом отношении отчетливо видна разница между формулами, используемыми в правовых системах, где понятие уголовной ответственности не имеет в точности одинакового значения. «Способность быть виновным» соответствует нынешнему понятию ответственности, как и условию виновности. «Ответственность» или «ответ за» можно понимать в более широком смысле, который и пропагандируют современные детерминисты.

²² См.: *Schild W.* Op. cit. ; *Didisheim J.* Op. cit.

²³ Например, сегодня в семье общего права с помощью нейробиологических доказательств нередко оспаривается способность обвиняемого «сформировать» необходимый для конкретного преступления умысел по причине психических недостатков, обусловленных дефектами или повреждением его мозга, а также обосновывается линия защиты со ссылками на неменяемость либо иные положения, доказывающие наличие у обвиняемого проблем с психикой. См. более подробно: *Полубинская С. В.* Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 17–18.

²⁴ *Joite M.* Willensfreiheit, schuldprinzip und grundgesetzliches menschenbild // *Bucerius law journal*. 2013. Vol. 2.

шаемым деянием. В данном случае с уголовно-правовой точки зрения установленную модель свободы воли можно понимать как попытку наполнения понятие вины материальным содержанием. И это материальное содержание отражает свобода воли.

Итак, если утверждать, что свободы воли нет в уголовном праве, то что же брать за основу, когда мы будем вести речь о привлечении лица к уголовной ответственности? Какой элемент будет лежать в ее основании?

Концепции, не связывающие превентивные функции уголовного права со свободой воли, исходят из того, что *уголовная ответственность возможна без вины*. Здесь вина измеряется не сознательными и когнитивными способностями преступника, а общим предупреждением. Иначе говоря, свобода воли не является необходимым условием наказания, а степень наказания должна измеряться на основании профилактических потребностей общества.

Сторонники реформирования уголовного права (без свободы воли) исходят из того, что именно санкция правовой нормы должна транслировать вину. Здесь функция наказания состоит в том, чтобы выразить упрек за определенное действие. Таким образом, наказание должно быть пропорционально виновности деяния. Буквально следуя представленной логике, можно прийти к выводу, что вину следует определять как совершение преступления «заслуживающим порицания», а не «виновным» деянием. Это акцентирует внимание на суждении о неодобрении действия, а не о моральных качествах, присущих субъекту преступления.

К чему ведет такое реформирование вины в практическом плане? Только к тому, чтобы исключить свободу воли из понимания вины в социально-психологическом контексте. То есть нет осознания — нет и вины, а есть лишь упрек со стороны общества и государства как «общественный договор». Для право порядков, исповедующих психологическую концепцию вины, это повод задуматься.

Будет ли новое уголовное право без вины?

Однако всё же представляется, что свободу воли исследователи смешали со *свободой действия*. Безусловно, воля может быть причинно обусловлена различными мотивами. Понятно, что эмоционально заряженный мотив более, чем другой, побудит человека к совершению определенного (в нашем случае преступного) действия. Но это вовсе не исключает, что такой мотивированный человек может свободно принять решение против этого действия, определяемого его волей.

Но наше сознание не тождественно воле, а просто предпосылка для волевого действия. Сознание само по себе не позволяет действовать человеку. Оно только создает возможность сопоставить мотивы друг с другом и решить, какой мотив преобладает. Эту операцию определяет не наше сознание, а наши чувства (действия)²⁵.

С этой точки зрения свобода воли есть то же самое принуждение, однако не внешнее, а внутреннее. Человек принуждает себя выбрать оптимальный вариант поведения из возможных и совершить определенный поступок. Или наоборот, рассуждая о свободе воли, мы говорим об иллюзии такой свободы, т.к. принимаем решение под принуждением, однако не осознаем этого факта, считая, что действуем свободно. В этом отношении свобода воли не равнозначна пониманию «свобода действия». Безусловно, сегодня мы исходим из того, что моральная и уголовная ответственность связывается с деянием человека (физического, вменяемого лица, достигшего возраста уголовной ответственности). Тем не менее можно совершить определенное деяние, но при этом не быть полностью свободным. Речь идет не о физическом или психическом принуждении, т.е. принуждении внешнем, когда выбор невелик или его вовсе нет, а о том, что лицо может не желать наступления определенных преступных последствий, но в силу различных причин внутренне соглашается осуществить деяние и уже тогда преступные последствия наступают. В данном случае полной

²⁵ См.: Günther K. Hirnforschung und strafrechtlicher Schuldbegriff // Kritische Justiz. 2006. Vol. 2. S. 116–132.

свободы нет, она ретуширована различными факторами и обстоятельствами.

Можно приводить и иные доводы, ссылаться на несостыковки уголовного законодательства. Например, если мы говорим о неосторожной форме вины, то интеллектуальный компонент вины вообще не предусматривает элемент осознания при преступном поведении (на законодательном уровне). Означает ли это, что свободы воли нет при преступном легкомыслии и неосторожности? Или все-таки свобода воли неравнозначна пониманию свободы действия и эти понятия нужно различать?

Вместе с тем спор между детерминизмом и индетерминизмом остается таким же неразрешенным, как и прежде, даже с учетом квантовой и волновой механики, принципа неопределенности Гейзенберга и т.д. Всё это говорит скорее о том, что существуют еще неопределенные области, которые истолковать можно по-разному.

Если взять результаты экспериментов Либета и его последователей, то они в первую очередь основаны на том, что определенная активность мозга, связанная с сознательными действиями, систематически предшествовала сознательному намерению человека, и многочисленные интерпретации предполагали, что сознательная воля не была причиной наших действий, что у нас не было свободной воли и поэтому мы не можем нести ответственность. Однако подобные выводы не имеют ничего общего с уголовным правом и ответственностью, поскольку происхождение *намерения* не имеет значения. Уголовная ответственность требует установления способности человека действовать таким образом, чтобы он имел возможность считаться с

реализацией соответствующего намерения, учитывая знание социальных норм, определяющих, что приемлемо, а что неприемлемо для него.

Нейробиология и ее инструменты, особенно визуализация мозга, могут доказать только постоянные аномалии, а не временные условия, совпадающие со временем событий и уже исчезнувшие при рассмотрении уголовного дела в суде. Более того, невозможно узнать, является ли наблюдаемая аномалия предшествующей или последующей по отношению к преступлению²⁶. Тезис о том, что обращение к поведению важно для правильной интерпретации активности мозга, приобретает значение при применении методов, основанных на данных «декодирования» намерений или мыслей обвиняемого. Однако одни только «декодированные» паттерны активности не указывают на то, действительно ли мозг использует эти паттерны для выполнения задачи или для достижения определенной когнитивной цели²⁷.

И тем не менее сегодня вполне очевидно, что отрицание свободы воли рикошетом бьет по принципу личной виновной ответственности и самому пониманию виновности в уголовном праве (еще и как ключевому признаку преступления). Если нет свободы воли, то далее мы вынуждены констатировать, что нет вины и самого преступления.

Какой выход из всего этого, если человек не свободен в своем поступке? Социальная профилактика или терапия? В определенной степени это можно допустить, если кто-то у кого-то украл кошелек и он был не свободен в своем поступке, т.к. следуя теории детерминизма, человек оказался заложником различных факторов и обстоятельств и фактически мозг управлял им,

²⁶ См.: *Bigenwald A., Chambon V. Criminal responsibility and neuroscience: no revolution yet* // URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.01406/full> (дата обращения: 01.08.2021).

²⁷ Следует также отметить, что в немецкой литературе эксперимент Либета подвергается жесточайшей критике, поскольку, как указывается, Либет дал тенденциозное описание своего эксперимента и «действие воли» фактически приравнивали к «ощущению» мышечного напряжения (см.: *Schild W. Op. cit.*). Ожидание импульса движения не может подменить собой наличие или отсутствие свободы воли. Свободный выбор предоставляется только в том случае, если конфликт между различными мотивами должен быть разрешен путем размышления и взвешивания. Если конфликта нет, если желание и разум совпадают или если речь идет только об альтернативах равной ценности (например, о том, какую книгу следует взять из стопки в книжном магазине), то выбора и не требуется, поэтому есть только одно желание.

а не его воля²⁸. В этой ситуации можно задействовать элементы восстановительного правосудия и попытаться найти компромисс, далее заниматься профилактикой и предупреждением совершения противоправных деяний и т.д. Но если совершено убийство, то как здесь быть? Допустима ли профилактика или речь будет идти только о терапии? Система наказаний, основанная исключительно на профилактике, выглядит довольно проблематичной, ибо она не застрахована от нарушений безопасности и чрезмерной репрессии, риска увеличения рецидивной преступности. В контексте рассуждения сторонников детерминизма получается странная ситуация: «преступник не несет ответственности за действие, но всё же должен ответить за это действие согласно своим мотивам»²⁹.

На наш взгляд, за всем этим правовым дискурсом о свободе воли кроется одна немаловажная деталь, свидетельствующая о том, что задача стоит в перезагрузке самого уголовного права, в основе которого будет заложен принцип не субъективного, а объективного вменения. Все эти рассуждения о взаимном заглаживании вины, социальной терапии, применении некарательных средств и элементов восстановительного правосудия при наличии социальных конфликтов в уголовно-правовой сфере, как представляется, уведут нас в сторону. Потому что основная идея, которую нам пытаются донести, — это идея *безопасности*. То есть в уголовном праве больше следует говорить не о вине и наказании, а об опасности и предупреждении.

Фактически это означает, что если определенное лицо совершает противоправное деяние (или хуже того, способно такое осуществить), то к нему следует применять меры социальной защиты и безопасности (принцип сдерживания)

в рамках профилактических мер и социального упрека. Эта функция (применение мер социальной защиты и безопасности) остается только в руках государства. Преступление в такой парадигме будет связано только с совершенным деянием, а вина будет иметь второстепенное значение (ибо если нет свободы воли, то это место займет внешний элемент — социальная упречность со стороны общества и государства). Любой преступник превращается в больного человека, которому нужна помощь. Вопрос состоит только в том, как, кем и каким образом будет определяться для таких лиц мера уголовной ответственности. Кажется, история уже знала подобные изыскания.

Всё это может привести к тому, что преступник будет рассматриваться только как совокупность причин и следствий, которые, в свою очередь, должны находиться под причинным влиянием государства, исходя из провозглашенной потребности в защите. В такой парадигме никто больше не будет спрашивать об ответственности преступника за его поступок (противоправное деяние), а постарается заранее найти наиболее опасных людей, а затем принять превентивные меры. Однако, в отличие от обвинений в совершении преступления, такая «проверка опасности» может быть проведена только в расплывчатом пространстве вероятностных утверждений, и не более того³⁰.

Высказанные аргументы сторонников детерминизма, где в понятии вины нет места свободе воли, подталкивают нас к ситуации тотального нейродоминирования, при которой социальные процессы не берутся в расчет, а приоритетом является опыт некоего нейробиолога, заявляющего, что у кого-то слишком мало лобных долей в коре головного мозга и т.д.³¹, поэтому к таким

²⁸ Согласно теории детерминизма, человеческие действия определяются внешними силами, а не свободной волей. При этом сторонники нейробиологического детерминизма считают эти внешние силы бессознательными нейронными процессами, к которым наше сознательное «я» не имеет доступа.

²⁹ См.: *Breuer I.* Op. cit.

Интересно, что в духе высказанных соображений эти мотивы контролируются нейронами и именно поэтому преступник не виноват.

³⁰ См.: *Günther K.* Op. cit.

³¹ В последние годы международные группы ученых неоднократно констатировали, что им удалось установить очень специфический ген, так называемый ген моноаминоксидазы А (МАО-А), неоднократно

лицам следует применять принцип сдерживания и задействовать механизм социальной защиты. Очевидно, что уголовная ответственность без вины основывается на принципах предотвращения и соразмерности, где центр тяжести смещается в сторону предупредительных мер *défense sociale*. Однако в такой плоскости учитываются не только действия, совершенные лицом, но и действия, *ожидаемые* от него.

Вместо заключения

Таким образом, сегодня уголовное право стоит перед выбором: перейти ли ему от ретрибутивистской концепции закона, в которой преступник заслуживает наказания, к консеквенциалистской концепции, где преобладают соображения безопасности, сдерживания, предупреждения и лечения.

Конечно, подлинно научный, механистический взгляд на нервную систему делает бессмысленным саму идею ответственности. Однако действительно ли должна нейробиология произвести революцию в уголовном праве? Нейробиология не может породить революцию в юриспруденции, она способна лишь улучшить существующие практики с точки зрения констатации психических расстройств или дифференциальной диагностики. Результаты нейробиологии могут влиять на социальные институты, но только постольку, поскольку они также участвуют в их формировании, убеждают население и принимают во внимание вытекающие из этого последствия. Представление о детерминизме, выдвинутое нейробиологией, сводя каждое из наших действий к их невро-

логическим и бессознательным причинам и, следовательно, рассматривая их как простые события, а не как преднамеренные действия, казалось бы, делает возможным допущение альтернативных результатов применительно к понятию «свобода воли». Если перевести это в плоскость уголовного права, то окажется, что «уголовная ответственность основана не на свободе воли, а на практических, субъективных и политических соображениях»³².

Но тем не менее институт уголовной ответственности заключается в возможности для индивида испытать *свободу воли*, субъективное ощущение причинной ответственности за свои действия и их последствия. В этом отношении уголовная ответственность в основном зависит от нашего субъективного опыта, складывающегося впечатления от способности действовать или избегать действий. Таким образом, свобода действия — это объективный факт, который демонстрируется поведением людей и последствиями этого поведения³³. Все-таки мозг не совершает никакого преступления, противоправное деяние творится руками человека.

Поэтому ни одно научное открытие, каким бы значительным оно ни представлялось, само по себе не требует ниспровержения или модификации социальных институтов, в том числе и карательных. Когнитивная нейробиология и связанные с ней дисциплины (когнитивная психология, нейроэкономика и др.) не изменят парадигму уголовной ответственности и принципа вины, но могут лишь только *информировать* эту парадигму с целью предоставления научных основ для понимания того, на чем базируется свобода воли и как быть с принципами уголовного права³⁴. Даже если предположить, что в

встречающийся у преступников (*Ulrich V. Op. cit.*). Что следует за этим выводом? Что человека можно причислить к разряду потенциальных преступников, выявив такой ген, и применить меры безопасности?

³² См.: *Bigenwald A., Chambon V. Op. cit.*

³³ С практической точки зрения методы работы уголовного права предполагают презумпцию свободы воли. Признание того, что философские и иные дебаты о существовании свободы воли могут возобновляться во время каждого уголовного процесса, по сути, парализуют отправление правосудия.

³⁴ Если традиционные дисциплины нейробиологии хотят революционизировать право, они не могут просто констатировать факты. Сами по себе, без какой-либо цели (идеологической, политической, правовой, экономической), они не могут существенно изменить теорию уголовного права и правоприменительную практику.

будущем у разумного человека будет несколько мозговых имплантатов, уголовное право все равно останется неизменным. Может быть изменена только социально-правовая норма, которая коснется лишь случаев объективной

ответственности (т.е. случаев бездействия), но действия по-прежнему будут оцениваться через призму субъективной ответственности (т.е. субъективной способности иметь чувство свободы воли, отличать хорошее от плохого и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. — Казань, 1965.
2. Волосюк Е. А., Иванов С. А. Категория «свобода воли» и ее роль в уголовном праве // Актуальные проблемы современной науки : материалы науч.-практ. конференции. — Ставрополь, 2016.
3. Иванов Н. Г. Курс уголовного права. Общая часть. — М., 2020.
4. Кибальник А. Г. Современное понимание свободы воли в российской уголовно-правовой доктрине // Общество и право. — 2017. — № 1.
5. Полубинская С. В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — Т. 14. № 5.
6. Рябых И. А. Проблема свободы воли в уголовном праве // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты : материалы науч.-практ. конференции. — Новосибирск, 2017.
7. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. — М., 2007.
8. Станек Ю. Право и нейронаука — точки пересечения // Правоведение. — 2017. — № 4.
9. Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. — Л., 1970.
10. Шевелева С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2015.
11. Юрчак Е. В. Теория вины в праве. — М., 2021.
12. Bigenwald A., Chambon V. Criminal responsibility and neuroscience: no revolution yet // URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.01406/full> (дата обращения: 01.08.2021).
13. Breuer I. Ist Verantwortung eine Illusion? // URL: https://www.deutschlandfunk.de/ist-verantwortung-eine-illusion.1148.de.html?dram:article_id=180844 (дата обращения: 12.08.2021).
14. Didisheim J. Déterminisme et Responsabilité Pénale: Inconciliables? // URL: <https://sui-generis.ch/article/view/sg.29/618> (дата обращения: 12.08.2021).
15. Feinberg J. The moral limits of the criminal law. — Oxford, 1984.
16. Günther K. Hirnforschung und strafrechtlicher Schuldbegriff // Kritische Justiz. — 2006. — Vol. 2.
17. Joite M. Willensfreiheit, schuldprinzip und grundgesetzliches menschenbild // Bucerius law journal. — 2013. — Vol. 2.
18. Kudlich H. Die Kritik der Hirnforschung an der Willensfreiheit als Chance für eine Neudiskussion im Strafrecht // Onlinezeitschrift für Höchstrichterliche Rechtsprechung zum Strafrecht. — 2005. — Vol. 2.
19. Libet B. Mind time: The temporal factor in consciousness, Perspectives in Cognitive Neuroscience. — Harvard, 2004.
20. Schild W. § 20 StGB // URL: http://www.jura.uni-bielefeld.de/lehrstuehle/schild/nomos___20 (дата обращения: 12.08.2021).
21. Spilgies G. Die Bedeutung des Determinismus-Indeterminismus-Streits für das Strafrecht. Über die Nichtbeachtung der Implikationen eines auf Willensfreiheit gegründeten Schuldstrafrechts. — Hamburg : Verlag Dr. Kovac, 2004.
22. Ulrich V. Psychiatrische Gutachten // URL: <https://www.aerztezeitung.at/archiv/oeaez-2012/oeaez-1516-15082012/psychiatrische-gutachten-zurechnungsfahigkeit-freier-wille.html> (дата обращения: 12.08.2021).

Материал поступил в редакцию 27 августа 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Volkov B. S. Problema voli i ugovornaya otvetstvennost. — Kazan, 1965.
2. Volosyuk E. A., Ivanov S. A. Kategoriya «svoboda voli» i ee rol v ugovornom prave // Aktualnye problemy sovremennoj nauki: materialy nauch.-prakt. konferencii. — Stavropol, 2016.
3. Ivanov N. G. Kurs ugovornogo prava. Obshchaya chast. — M., 2020.
4. Kibalnik A. G. Sovremennoe ponimanie svobody voli v rossijskoj ugovorno-pravovoj doktrine // Obshchestvo i pravo. — 2017. — № 1.
5. Polubinskaya S. V. Ispolzovanie dannyh nejronauk v doktrine ugovornogo prava i sudebnoj praktike // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2019. — T. 14. № 5.
6. Ryabyh I. A. Problema svobody voli v ugovornom prave // Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezultaty: materialy nauch.-prakt. konferencii. — Novosibirsk, 2017.
7. Sanfilippo Ch. Kurs rimskogo chastnogo prava. — M., 2007.
8. Stanek Yu. Pravo i nejronauka — tochki peresecheniya // Pravovedenie. — 2017. — № 4.
9. Filanovskij I. G. Socialno-psihologicheskoe otnoshenie subekta k prestupleniyu. — L., 1970.
10. Sheveleva S. V. Svoboda voli i prinuzhdenie v ugovornom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2015.
11. Yurchak E. V. Teoriya viny v prave. — M., 2021.
12. Bigenwald A., Chambon V. Criminal responsibility and neuroscience: no revolution yet // URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.01406/full> (data obrashcheniya: 01.08.2021).
13. Breuer I. Ist Verantwortung eine Illusion? // URL: https://www.deutschlandfunk.de/ist-verantwortung-eine-illusion.1148.de.html?dram:article_id=180844 (data obrashcheniya: 12.08.2021).
14. Didisheim J. Déterminisme et Responsabilité Pénale: Inconciliables? // URL: <https://sui-generis.ch/article/view/sg.29/618> (data obrashcheniya: 12.08.2021).
15. Feinberg J. The moral limits of the criminal law. — Oxford, 1984.
16. Günther K. Hirnforschung und strafrechtlicher Schuldbegriff // Kritische Justiz. — 2006. — Vol. 2.
17. Joite M. Willensfreiheit, schuldprinzip und grundgesetzliches menschenbild // Bucerius law journal. — 2013. — Vol. 2.
18. Kudlich H. Die Kritik der Hirnforschung an der Willensfreiheit als Chance für eine Neudiskussion im Strafrecht // Onlinezeitschrift für Höchstgerichtliche Rechtsprechung zum Strafrecht. — 2005. — Vol. 2.
19. Libet B. Mind time: The temporal factor in consciousness, Perspectives in Cognitive Neuroscience. — Harvard, 2004.
20. Schild W. § 20 StGB // URL: http://www.jura.uni-bielefeld.de/lehrstuehle/schild/nomos___20 (data obrashcheniya: 12.08.2021).
21. Spilgies G. Die Bedeutung des Determinismus-Indeterminismus-Streits für das Strafrecht. Über die Nichtbeachtung der Implikationen eines auf Willensfreiheit gegründeten Schuldstrafrechts. — Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2004.
22. Ulrich V. Psychiatrische Gutachten // URL: <https://www.aerztezeitung.at/archiv/oeaez-2012/oeaez-1516-15082012/psychiatrische-gutachten-zurechnungsfahigkeit-freier-wille.html> (data obrashcheniya: 12.08.2021).